

DOI: 10.15372/HSS20150413
УДК 94(47)“1917/1930”

И.И. КРОТТ

СОЦИАЛЬНАЯ МОБИЛЬНОСТЬ СЕЛЬСКИХ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ В ПЕРИОД РЕВОЛЮЦИИ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ (1917–1920-е гг.)

Иван Иванович Кротт,
канд. ист. наук, доцент,
Омский государственный педагогический университет,
РФ, 644099, г. Омск, Набережная Тухачевского, 14,
e-mail: ivkrott@mail.ru

В статье на основе репрезентативного комплекса источников рассматриваются вопросы социальной мобильности сельских предпринимателей Западной Сибири в период революции и Гражданской войны (1917–1920-е гг.). Сделан вывод о том, что в результате революционных событий 1917 г. и «строительства нового общества» сельские предприниматели оказались выбитыми из привычной для них социокультурной и профессиональной среды. В новых условиях они оказались лишены не только своей собственности, но и прежнего социального статуса. В итоге они оказались за рамками формируемых политической властью социокультурных норм и традиций.

Ключевые слова: социальная мобильность, социальные лифты и каналы, маргинализация, сельские предприниматели, предпринимательские хозяйства, «враждебные классы», «бывшие», «эксплуататоры», Западная Сибирь, революция 1917 г., Гражданская война.

I. I. KROTT

SOCIAL MOBILITY OF RURAL ENTREPRENEURS DURING THE REVOLUTION AND CIVIL WAR (1917–1920s)

Ivan I. Krott,
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor,
Omsk State Pedagogical University,
14, Nab. Tukhachevskogo, Omsk, 644099, Russia,
e-mail: ivkrott@mail.ru

Based on the archival and published sources, the article considers issues of social mobility of rural entrepreneurs in Western Siberia during the period of revolution and Civil War (1917-1920). The study is carried out within the methodological framework of social mobility theory of P.A.Sorokin who introduced basic categories and concepts that enable researchers to study this phenomenon. In the wake of the revolutionary events of 1917 and “construction of a new society”, rural entrepreneurs as representatives of the “wealthy and privileged” social classes and groups of the prerevolutionary Russian society hopped out to be thrown out of their usual socio-cultural and professional environment. They lost not only their material wealth and property but also their previous social status and position under new conditions. These “shatters of the accursed past” turned out to be artificially merged by the authorities into the categories with such symbolic names as “hostile classes”, “formers”, “exploiters”, “socially alien and dangerous elements”. The policy towards the “former ruling classes” was of a clear discriminatory character. Under the guise of “class justice” and tasks of “class struggle” the local authorities confiscated for “the benefit of revolution” not only the lands of rural entrepreneurs but also their personal property such as clothes, furniture, dishware, luxury articles etc. The former owners and their families were evicted from their estates and actually left destitute. Besides, the period under study was marked by a considerable decline in social status of the former owners of entrepreneurial households and their close relatives. As a result, rural entrepreneurs were left outside the socio-cultural norms and traditions artificially formed by the political authorities. They were not only restricted to their social positions but also could not realize their economic potential.

Key words: social mobility, social lifts, marginalization, rural entrepreneurs, “hostile classes”, “exploiters”, Western Siberia, the 1917 Revolution, the Civil War.

В последние годы одним из приоритетных направлений в развитии отечественной исторической науки стало изучение вопросов связанных, с соци-

альной мобильностью российского общества в первой половине XX в. Современные историки сосредоточили основное внимание на исследовании каналов,

институтов и лифтов, которые вели к понижению/повышению социального статуса как отдельных индивидов, так и целых социальных, этноконфессиональных или профессиональных групп населения [1, с. 89–93].

В результате революционных событий 1917 г. и «строительства нового общества» представители так называемых «имущих и привилегированных» сословий и групп дореволюционного российского общества оказались выбитыми из привычной для них социокультурной и профессиональной среды. В новых условиях они лишились не только своих доходов, собственности, но и прежнего в обществе. Эти «осколки проклятого прошлого», оказались искусственно объединены властью в разнообразные категории под символическими названиями: «враждебные классы», «бывшие», «эксплуататоры», «социально чуждые и опасные элементы» и пр. В условиях политики, явно направленной на подавление сопротивления «свергнутых классов», этим категориям населения, в противоположность их «высокому положению» в царской России, в постреволюционном советском обществе было уготовано место социальных изгоев [2, с. 23–36].

В связи с этим, актуальным является изучение процессов социального перемещения предпринимателей – «класса исторически проигравшего». Привычную социальную нишу, которую занимали предприниматели в дореволюционной России, пришлось освободить, так как первые послереволюционные годы характеризовались декларацией принципа «революционной законности» и «классовой справедливости». Поэтому именно вертикальная социальная мобильность сельских предпринимателей в эпоху радикальных трансформаций сибирского общества и является предметом нашего особого внимания.

В Западной Сибири советская власть первоначально была установлена в декабре 1917 – апреле 1918 г., а окончательно во второй половине 1919 г., хотя ее провозглашение в регионе началось еще в ноябре 1917 г. [3, с. 153]. Но несмотря на сложность политической ситуации и консолидацию антибольшевистской оппозиции, начало социально-экономическим преобразованиям в сибирской деревне положили Декрет о земле и Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа¹.

Новая политическая власть, разделяя социум на «своих» и «чужих», переводила в периферийное и дискриминационное состояние целые социальные слои и отдельные категории граждан. В результате такого подхода судьба бывших помещиков, чиновников, представителей деловых кругов была предрешена. Политика в отношении «бывших господствующих классов» носила дискриминационный характер.

Как справедливо отмечает современный историк Т.М. Смирнова, вплоть до середины 1920-х гг. такие понятия, как «контрреволюционер», «изменник», «буржуй», «помещик», «капиталист» в дискуссии большевиков и на практике использовались как тож-

дественные. Социальное пространство «бывших» зависело не только от конъюнктуры момента, удаленности территории от центра, но и личностного фактора (обличенные партийной и государственной властью лица нередко руководствовались «классовым чутьем», «размахом собственного революционного рвения», «личными симпатиями и антипатиями») [2, с. 30–31].

В соответствии с действующим аграрным законодательством процедура ликвидации казенного, частновладельческого, церковно-монастырского и некоторых форм казачьего землевладения затрагивала интересы и сельских предпринимателей. По подсчетам Н.Ф. Иванцовой, только в Бийском уезде в марте–мае 1918 г. были отобраны земли, живой и мертвый инвентарь у 39 коннозаводчиков и скотопромышленников [3, с. 199]. Весной 1918 г. по инициативе местных Советов изъятие земель у сельских предпринимателей было дополнено конфискацией инвентаря [4, с. 21–22]. Но на практике – конфискации подвергался не только сельскохозяйственный инвентарь, но и другое имущество бывших владельцев².

Достаточно большая группа частновладельческих хозяйств предпринимательского типа находилась в пределах Омского, Тюкалинского и Татарского уездов Омской области³. Весной 1918 г. в этом районе были конфискованы хозяйства М.П. Телегина, П.Я. Калинина, П.А. Липатникова, Е.А. Яцкина, И.И. Готмана, И.Л. Бекеля, А.Д. Зейферта, А.С. Хаймовича и др. [5, с. 144]⁴.

Еще ранее, 19 февраля 1918 г., по уездам Омской области было разослано постановление исполнительного комитета Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов о национализации живого и мертвого инвентаря частновладельческих нетрудовых хозяйств⁵.

Местные советские работники иногда проявляли и благосклонное отношение к бывшим предпринимателям. Так, в отношении предпринимательских хозяйств, в которых имелись опытные поля, питомники племенного скота и которые не пострадали от погромов местного населения в конце 1917 г., земельные органы принимали решения о частичной или полной компенсации владельцам за отчужденное имущество [3, с. 203].

К весне 1920 г. на базе 75 национализированных предпринимательских хозяйств, в основном Омского и Петропавловского уездов, было создано 50 совхозов, что составляло 41 % от числа советских хозяйств всей Сибири⁶. Из крупных сельских предпринима-

² Исторический архив Омской области (ИАОО). Ф. Р-284. Оп. 1. Д. 1. Л. 87; Установление Советской власти на территории Курганской области (март 1917 – июнь 1918 гг.): сб. документов и материалов. Курган, 1957. С. 202–204.

³ В январе 1918 г. Акмолинская область была переименована в Омскую область.

⁴ ИАОО. Ф. Р-284. Оп. 1. Д. 43. Л. 1; Д. 135. Л. 5–5 об.; Ф. Р-1111. Оп. 1. Д. 47. Л. 4–4 об.

⁵ ИАОО. Ф. Р-284. Оп. 1. Д. 1. Л. 87.

⁶ Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. Р-13. Оп. 1. Д. 157. Л. 51; Д. 416. Л. 63; ИАОО. Ф. Р-209. Оп. 1. Д. 641. Л. 1–6 об.

¹ Декреты Советской власти. М., 1957. Т. 1. С. 17–20, 321, 322.

тельских хозяйств, на основе которых были образованы совхозы, можно выделить хозяйства И.М. Карзина, Т.Т. Подковырова, Ф.Ф. Штумпфа, И.Ф. Лобачева, А.И. Даниленко, Г.И. и Я.И. Шварцев, Я.И. Романенко, Е.М. Красюкова, А.П. Бодылевского, В.Р. Штейнгеля, И.С. Зайцева, И.С. Леженкина, П.Н. и Д.Н. Николенко, Т.Д. Левашова, И.С. Цыбульского, Г.П. и Д.П. Шевченко и др.⁷

В Томской губернии на ноябрь 1920 г. числилось 13 совхозов, 4 из которых были организованы на базе бывших предпринимательских хозяйств Г.И. Фуксмана, Горохова, Чернышева, Диденко⁸.

По подсчетам советского историка А.К. Касьяна, в 1920 г. 63,5 % всех коммун и 14,2 % артелей в Омской губернии были организованы также на землях бывших частновладельческих хозяйств [6, с. 16]. Для этих целей использовалось имущество бывших предпринимателей И.Я. Мамонтова, М.А. Красильникова, Г.Е. Грязнова Д.В. Фурмана, П.А. Липатникова, Н.Я. Смирнова, Г.В. Деркача, Л.Ф. Федорова, И.П. Зименца и др. [5, с. 177; 7, с. 71,82]⁹.

Сознательно проводимая властью политика искусственной маргинализации, т. е. перевода на периферийное или дискриминационное положение большей части сельских предпринимателей, вызывала с их стороны протестные действия. Так, в Омской губернии предприниматели пытались продать земельные участки, скот и инвентарь своих хозяйств и таким образом компенсировать вложенные средства в организацию имений¹⁰. В подобных ситуациях местные Советы изымали у бывших крупных собственников и владельцев все документы на имения и предотвращали действия, квалифицированные властью как незаконные, а владельцев подвергали штрафу и суду ревтрибунала [4, с. 20–21].

Некоторые сельские предприниматели, теряя землю, мертвый и живой инвентарь своих хозяйств, искусственно создавали препятствия для образования коллективных хозяйств в национализированных у них имениях. Известны случаи, когда предприниматели скрывали скот, зарывали в ямы и погребов хлеб, конскую сбрую, теплую одежду, сжигали необмолоченные скирды хлеба [6, с. 12]¹¹.

Огромную ценность для образованных новых хозяйств имели знания, предприимчивость, умение организовать дело, опыт прежних владельцев. С уче-

том этого, а также из-за нехватки кадров, приоритет при назначении на должность временных управляющих первоначально имели бывшие владельцы [8, с. 123]¹². Так, известные в регионе предприниматели Г.П. Телегин, Р.Г. Шпехт, К.И. Каллен, Л.Я. Шварц, Н.Я. Шварц, братья Ф.К. и В.К. Розвезевы, И.М. Карзин, Т.Т. Подковыров, Н.М. Хаймович, Ф.М. Саяпин, П.И. Косицын и др. в первые месяцы после национализации хозяйств временно исполняли обязанности управляющих [7, с. 76]¹³.

Но со временем региональные партийные организации принимали меры к «очищению совхозов от враждебных элементов и наведению в них большевистского порядка»¹⁴. Дискриминация по признаку классового происхождения проникала во все сферы жизни общества, а система управления не была исключением. Так, 10 сентября 1920 г. по этому вопросу на заседании Омского губбюро РКП(б) был заслушан доклад Дьякова. В результате его обсуждения губбюро предложило губземотделу: «В срочном порядке заменить лиц, стоящих во главе совхозов, из помещиков и контрреволюционеров работниками, выдвинутыми ячейками» [9, с. 21].

Таким образом, по мере подготовки советским органами кадрового резерва бывших владельцев увольняли с занимаемых должностей. Правда, некоторые бывшие предприниматели, благодаря своему опыту и профессионализму, все же продолжили работать в новой системе управления. Например, Р.Г. Шпехт, который не смог остаться в своем хозяйстве, был назначен управляющим Кокчетавского конного завода, Е.И. Хаймович работал в отделении животноводства Губземотдела на должности омского уездного специалиста, Т.Т. Подковыров и Т.И. Колмаков являлись специалистами того же отделения, но по овцеводству¹⁵.

Прикрываясь политикой «классовой справедливости» и задачами «классовой борьбы», местные власти изымали у предпринимателей в «интересах революции» не только землю, но и имущество – одежду, мебель, посуду, предметы роскоши и пр. Бывшие владельцы и их семьи были выселены из собственных имений и фактически остались без всяких средств к существованию. Об этом красноречиво говорят всевозможные заявления прежних владельцев, их жен и детей (Я.И. Шварца, Т.Т. Подковырова, М.И. Колосовской, братьев Н.И., Ф. И., Я.И. и А.И. Кузнецовых, Н.Н. Оанча, Е.М. Красюкова, вдов С.Я. Бартель и И. Изаак), с просьбами выделить земельные участки по установленной трудовой норме с инвентарем для существования и ведения простого крестьянско-

⁷ ИАОО. Ф. Р-209. Оп. 1. Д. 13. Л. 2–3, 54 об. – 55; Д. 642. Л. 1–1 об.; Д. 659. Л. 17–20 об., 23–26, 31, 35, 41, 45–46, 54–57 об., 59–60 об., 62, 66, 71–73, 76–78 об.; Д. 685. Л. 7; Ф. Р-272. Оп. 1. Д. 215. Л. 122 об. – 124; ГАНО. Ф. Р-13. Оп. 1. Д. 83. Л. 11–12; Д. 158. Л. 75.

⁸ ГАНО. Ф. Р-13. Оп. 1. Д. 101. Л. 2, 16–16 об.

⁹ ИАОО. Ф. Р-209. Оп. 1. Д. 598. Л. 48; Д. 1346. Л. 8, 16–16 об.; ГАНО. Ф. Р-13. Оп. 1. Д. 84. Л. 33; Центр документации новейшей истории Омской области (ЦДНННО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 92. Л. 1–1 об.

¹⁰ ИАОО. Ф. Р-65. Оп. 1. Д. 5. Л. 14 об.; Омский вестник. 1917. 12 (25) дек. С. 4.

¹¹ ИАОО. Ф. Р-209. Оп. 1. Д. 782. Л. 66–67.

¹² ГАНО. Ф. Р-13. Оп. 1. Д. 157. Л. 53 об.

¹³ ИАОО. Ф. Р-209. Оп. 1. Д. 728. Л. 65–66; Д. 782. Л. 40; Д. 798. Л. 7; Д. 800. Л. 2; Д. 805. Л. 1–2; Д. 806. Л. 21 об.; Д. 813. Л. 1–1 об.; Ф. Р-223. Оп. 1. Д. 127. Л. 8; ГАНО. Ф. Р-13. Оп. 1. Д. 78. Л. 2–2 об.; Д. 157. Л. 73.

¹⁴ ГАНО. Ф. Р-13. Оп. 1. Д. 157. Л. 173 об. – 174.

¹⁵ ИАОО. Ф. Р-209. Оп. 1. Д. 13. Л. 61 об.; Д. 248. Л. 10, 53; Д. 293. Л. 126; Д. 739. Л. 82; Д. 743. Л. 114; ГАНО. Ф. Р-13. Оп. 1. Д. 158. Л. 34.

го хозяйства¹⁶. Например, в заявлении Я.И. Шварца на имя управляющего совхозом № 16 Я.И. Портненко указывалось: «При национализации моего хозяйства и паровой мельницы 1 января 1920 г. я остался без всяких средств, потому что мне не было выдано из этого хозяйства никакого пособия для дальнейшего существования или ведения маленького сельского хозяйства. Не имея ни кола, ни двора, живя по чужим дворам в полуразрушенных землянках, мне будущей весной обязательно нужно выстроить свой собственный домик и посеять несколько десятин хлеба»¹⁷. Далее в заявлении была просьба выделить необходимый сельскохозяйственный инвентарь и семенной хлеб для ведения трудового хозяйства. Отметим, что уполномоченный по обследованию и учету советских хозяйств И. Топорков не возражал против надления Я. И. Шварца необходимым инвентарем, в силу того что бывший владелец «принимал горячее участие в физической работе, т. к. руки его были в мозолях»¹⁸. После длительного рассмотрения в марте 1922 г. заявление Я. И. Шварца было удовлетворено¹⁹.

В делопроизводственных материалах по обследованию и учету бывших частновладельческих хозяйств имеются свидетельства того, что некоторые сельские предприниматели уезжали вместе с отступающими белогвардейскими войсками далее на восток страны, а некоторые погибли в «смутные годы» Гражданской войны. Известно, что оставили свои предпринимательские хозяйства братья Г.П. и Д.П. Шевченко, Г.Г. Попов, Н.П. Ковалев, М.Т. Чернов, Д.С. Горбунов, П.Грушин, Ф.Ф. Штумпф (заболел в дороге и вернулся назад в Омск), И.С. Зайцев (эмигрировал за границу), а Л.И. Коптелов и Власов были убиты местным населением [5, с. 169; 10, с. 120; 11, с. 122]²⁰.

Отметим, что региональной властью вокруг «бывших» постепенно создавалась атмосфера нетерпимости. Основанием для арестов становилось занимаемое до революции социальное и имущественное положение. В этот период практически неограниченной стала власть ВЧК и ее местных комиссий. Так, в конце 1919 – начале 1920 гг. В.А. Пальгов, Н.Н. Оанч, братья Ф.К. и В.К. Розвезевы, братья И.А. и А.А. Романтеевы, братья С.В. и Г.В. Бартель и другие были арестованы Омской губернской чрезвычайной комиссией по обвинению в контрреволюционной деятельности. И если в отношении Розвезевых и В.А. Пальгова со временем дела были прекращены, и они были освобождены из-под стражи, то Н.Н. Оанч был приговорен к одному году лишения свободы в концлагере и позже амнистирован, а Г.В. Бартель был приговорен в высшей мере наказа-

ния и расстрелян. В отношении его брата С.В. Бартель постановление Омской губЧК о расстреле не было утверждено ВЧК. Дальнейшая судьба С.В. Бартель не известна, так как в его персональном деле нет другого решения комиссии²¹.

В октябре 1920 г. был арестован и 6 ноября по приговору Омской губЧК расстрелян по необоснованному обвинению в организации белогвардейского партизанского отряда бывший крупный коммерсант, а на момент ареста – представитель Омского центрального сельскохозяйственного общества по заготовке семенных материалов А.П. Бодылевский [11, с. 126].

В марте того же 1920 г. был задержан и помещен в концлагерь «до окончания гражданской войны» бывший томский предприниматель Г.И. Фуксман²². Под следствием он находился 10 месяцев, но был освобожден. Позже бывший предприниматель был лишен избирательных прав, работал извозчиком. В 1929 г. Г.И. Фуксмана повторно арестовали, выслали с семьей из Томска в Туруханский край. Через несколько лет он вернулся в Томск, но в 1937 г. снова был арестован и расстрелян, хотя его возраст приближался к 80 годам [12, с. 257; 13, с. 68–69].

Мы уже отмечали, что в политической практике большевиков социальная категория «эксплуаторов» трактовалась предельно широко. В этой ситуации, сами «бывшие» пытались причислить себя к представителям «трудового» населения. Такую модель поведения можно объяснить, с одной стороны, страхом за свою жизнь, желанием принизить свой прежний социальный статус и имущественное положение. Вместе с тем, определение социальной принадлежности новой властью делалось по «внешним» признакам, по «дореволюционному наследию» в виде количества обрабатываемых до революции десятин земли, количества скота, наличия сельскохозяйственной техники²³.

В заключение следует отметить, что в послереволюционные годы в значительной степени целенаправленно и искусственно российское общество было переструктурировано. Политическая власть, разделяя социум на «своих» и «чужих», переводила в периферийное и дискриминационное состояние целые социальные слои и категории населения. Сельские предприниматели были в этом отношении не исключением.

Социальная трансформация сибирского общества после революционных событий 1917 г. характеризовалась не только выделением новых общностей в системе стратификации (лидерные, базисные и маргинальные группы [14]), но и соответствующей адаптацией этих социальных элементов ко вновь возникающим статусно-ролевым функциям, переориентацией их индивидуальной и групповой социальной идентичности.

¹⁶ ИАОО. Ф. Р-209. Оп. 1. Д. 707. Л. 1–1 об.; Д. 708. Л. 1–2 об.; Д. 734. Л. 6; Д. 735. Л. 46; Д. 765. Л. 13; Д. 793. Л. 9–9 об.; Д. 1080. Л. 22 об.

¹⁷ Там же. Д. 1802. Л. 23.

¹⁸ Там же. Д. 1802. Л. 24–24 об.

¹⁹ Там же. Д. 1080. Л. 22 об.

²⁰ Там же. Д. 724. Л. 1; Д. 733. Л. 26; Д. 749. Л. 14; Д. 751. Т. 1. Л. 11–11 об., 68, 91, 108; Д. 765. Л. 13, 16–16 об., 21.; Д. 774. Л. 44–45; Д. 796. Л. 4 об.; Д. 1761. Л. 10 об.

²¹ Там же. Д. 793. Л. 22–22 об.; Д. 795. Л. 2–2 об.; Д. 800. Л. 1–2; Д. 802. Л. 1–2; Список жертв политического террора. URL: <http://lists.memo.ru/d3/f315.htm> (дата обращения: 25.05. 2015).

²² Знамя революции. 1920. 21 февр., 9 марта.

²³ ИАОО. Ф. Р-209. Оп. 1. Д. 728. Л. 65–66.

В новых условиях сельские предприниматели находились за рамками характерных, точнее, искусственно формируемых политической властью социокультурных норм и традиций. Они не только были ограничены в своих статусных позициях, но и оказывались не в силах реализовать творческие и хозяйственные возможности и тем самым обогатить общество материально и духовно.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шишкин В.И., Савин А.И. Социальная мобильность в России в эпоху войн, революций и радикальных трансформаций первой половины XX в.: основные направления и результаты изучения // Гуманитарные науки в Сибири. 2014. №4. С. 89–93.
2. Смирнова Т.М. «Бывшие люди» Советской России: стратегии выживания и пути интеграции. 1917–1936 годы. М., 2003. 296 с.
3. Иванцова Н.Ф. Западносибирское крестьянство в 1917 – первой половине 1918 гг. М., 1993. 352 с.
4. Горюшкин Л.М. Претворение в жизнь Декрета о земле в Западной Сибири в конце 1917 – первой половине 1918 гг. // Сибирь в период строительства социализма и перехода к коммунизму. Новосибирск, 1965. Вып. 5: Крестьянство и сельское хозяйство Сибири в 1917–1961 гг. С. 7–27.
5. Вибе П.П. Немецкие колонии в Сибири: социально-экономический аспект. Омск, 2007. 368 с.
6. Касьян А.К. Первые шаги колхозного строительства в омской деревне. Омск, 1958. 52 с.
7. Касьян А.К. Строительство коллективных хозяйств в Омской губернии в период военного коммунизма (ноябрь 1919 – март 1921 гг.) // Уч. зап. Омского государственного педагогического института им. А.М. Горького. Омск, 1957. Вып. 8. С. 67–93.
8. Фот А.А. Национализация немецких крупных частновладельческих и арендаторских хозяйств в 1919–1921 гг. // Музей и общество на пороге XXI в.: Материалы Всерос. науч. конф. Омск, 1998. С. 122–124.
9. Касьян А. К. Социально-экономическое развитие деревни Юго-Западной Сибири в доколхозный период (конец 1919 – 1928 гг.) Омск, 1976. 108 с.
10. Храмков А.А., Клычников А.Н. Переселенцы и старожилы в селе Анисимово (Боровлянского) Барнаульского уезда (опыт анализа Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 г.) // Демографическое и хозяйственное развитие алтайской деревни во второй половине XIX – начале XX вв. (на материалах массовых источников): сб. науч. стат. / отв. ред. В. Н. Разгон. Барнаул, 2002. С. 101–122.
11. Мороз А.А. Забавные страницы былого: историко-документальный очерк. Омск, 2010. 187 с.
12. Дмитриенко Н.М. Сибирский город Томск в XIX – первой трети XX века: управление, экономика, население. Томск, 2000. 283 с.
13. Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции Сибири. Новосибирск, 1998. Т. 4, кн. 2. 160 с.
14. Красильников С.А. На изломах социальной структуры: Маргиналы в послереволюционном российском обществе. 1917 – конец 1930-х гг.: Учеб. пособие. Новосибирск, 1998. 90 с.

REFERENCES

1. Shishkin V.I., Savin A.I. Social mobility in Russia during the era of wars, revolutions and radical transformations of the first half of the XX century: main directions and results of the study. *Gumanitarnie nauki v Sibiri*, 2014, no. 4, pp. 89–93 (In Russ.).
2. Smirnova T.M. "Former people" of Soviet Russia: strategies of survival and ways of integration. 1917–1936. Moscow, 2003, 296 p. (In Russ.).
3. Ivantsova N.F. West Siberian peasantry in 1917 – first half of 1918. Moscow, 1993, 352 p. (In Russ.).
4. Gorushkin L.M. The implementation of the Decree on Land in West Siberia at the end of 1917 – the first half of 1918. *Sibir v period stroitelstva sotsializma I perekhoda k kommunizmu*. Novosibirsk, 1965, issue 5: *Krestyanstvo i selskoye hozyaistvo Sibiri*, pp. 7–27 (In Russ.).
5. Vibe P.P. German colonies in Siberia: socio-economic aspect. Omsk, 2007, 368 p. (In Russ.).
6. Kasyan A.K. First steps of collective farm building in Omsk village. Omsk, 1958, 52 p. (In Russ.).
7. Kasyan A.K. Construction of the collective farms in the Omsk province during the period of War Communism (November 1919 – March 1921). *Ucheniye zapiski Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta imeni A.M. Gorkogo*. Omsk, 1957, no. 8, pp. 67–93 (In Russ.).
8. Fot A.A. Nationalization of major German private and tenant farms in 1919–1921. *Muзей i obshchestvo na poroge dvadtsat'pervogo veka*. Materialy Vseross. nauch. konf. Omsk, 1998, pp. 122–124 (In Russ.).
9. Kasyan A.K. Socio-economic development of village of South-West Siberia before collective farm period (the end of 1919–1928). Omsk, 1976, 108 p. (In Russ.).
10. Khramkov A.A., Klychnikov A.N. Immigrants and old residents in the village of Anisimovo (Borovlyanskoye) of Barnaul district (Experience of analysis of the 1917 All-Russian Agricultural Census). *Demograficheskoye i khoziaistvennoye razvitiye altaiskoy derevni vo vtoroy polovine deviatnatsatogo – nachale dvadtsatogo vekov (na materialakh massovykh istochnikov)*. Sb.nauch.st.. Otv. red. V.N. Razgon, 2002, pp. 101–122 (In Russ.).
11. Moroz A.A. Amusing pages of the past: historical and documentary essay. Omsk, 2010, 187 p. (In Russ.).
12. Dmitriyenko N.M. Siberian town of Tomsk in the XIX – the first third of the XX century: government, economy, population. Tomsk, 2000, 283 p. (In Russ.).
13. The Brief Encyclopedia of the Siberian Merchandry and Commerce. Novosibirsk, 1998, vol. 4, book 2, 160 p. (In Russ.).
14. Krasilnikov S.A. At the brakes of the social structure: Marginal people in the post-revolutionary Russian society. 1917 – the end of 1930: tutorial. Novosibirsk, 1998. 90 p. (In Russ.).

Статья принята редакцией 29.10.2015